

Вырезка из газеты

Советское искусство.

От

Москва

ГАЗЕТЫ №

Славный путь

35 ЛЕТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

Тридцать пять лет назад, 27 октября 1898 г. (по старому стилю 14 октября) открылся Художественный театр. Шел — «Царь Федор Иванович» А. Д. Толстого. Это было событие огромной важности. Как и при подчеркивании его чистой художественности, его стремление только к новому театру, только к «театральной революции», он отражал, конечно, и сумму классово-политических интересов, выразителем которых делался объективно и молодой театр. «Буйный скит», — метко определял его тогда известный фельетонист В. Дорошевич. И самый выбор пьесы ясно не был актом отвлеченного волеустремления, а говорил о какой-то идейной направленности, за которой скрывался определенный социально-политический базис.

Недаром пьеса А. Д. Толстого была несколько десятилетий под цензурным запретом. Недаром именно за нее ухватился «буйный скит» молодых художественников. Как и весь театр, спектакль был रुपором либерально-промышленной демократии, требовавшей в обстановке конца 90-х годов политических «суступок», конкретно — «упорядоченного» парламентско-капиталистического строя. Правда, историческая тенденция самой пьесы Толстого была несомненно иной. Граф Алексей Толстой, монархист по убеждениям, личный друг Александра II, егермейстер двора, блестящий «барин» — гегельянец, развивавший в своей трилогии идею патриархально-демократической монархии древне-вещного образца «Благословляя свободу» и «пенавля деспотизм», он бьется промышленно-капиталистических отношений и зовет назад к вечному колоколу псковско-новгородской Руси. Типичная идеология дворянства на закате, делающего свою ставку на решающего все «мужика», на «мужническое» царство под опекой, конечно, барина. Но в условиях 90-х годов пьеса могла прозвучать и иначе. Замаскированная от цензуры историческим сюжетом — могла прозвучать нотками буржуазно-освободительной политики, — вот до чего доводили, мол, «доброе» царя дурные советники, а посему не пора ли подумать о «хороших» организованных советниках, т. е. о конституционном строе. Пьеса именно так и прозвучала.

И прав Станиславский, когда говорит, что «программа начинающегося дела была революционная». На подступах к 1905 году она означала определенную классово-политическую оппозицию промышленной буржуазии против неограниченно-самодержавного абсолютизма. В области театра она совмещалась с пе-

реоценкой патриархальных традиций, приемов и быта старого «российского театра».

«Сердце билось тревожно и радостно при сознании огромной по важности миссии, выпавшей на нашу долю», — записывает Станиславский после Октября. Идеалистический по мировоззрению Художественный театр расценивал революцию как «большую жизнь духа», и считал, что передать ее «большие чувства и страсти» сумеет тот Драматург и Актер (оба с большой, конечно, буквы), которые еще только придут. Такое созерцательное приятие революции характерно на первых порах для довольно значительных групп художественной интеллигенции, не умевших еще преодолеть кантаанско-шпендеровское аполитичное понимание искусства, как «рупора духа» (Маркс). Но революция делает свое. Она достаточно быстро перекрывает сознание художника, раз он «радостно сознал важность миссии, выпавшей на его долю».

Пересмотр позиций Художественного театра начинается, по существу, уже на завтра после Октября. Его начинает Е. Б. Вахтангов, один из наиболее ярких и близких учеников Станиславского. Но в целом освоение политической роли искусства в таком большом и прочно сложившемся организме, как Художественный театр, идет не сразу. Важным и до известной степени переломным моментом явилась здесь напечатанная в 1923 г. в «Известиях» программная беседа с Немировичем-Даниско, декларировавшим уже определенное политическое «сдвиг театра». Постановка «Бронепоезда» в 1927 г., в дни празднования десятилетия пролетарской революции, на практике ликвидировала созерцательно-либеральную идеологию театра в сторону искусства сознательно-классового, искусства как орудия политической борьбы. Пьесы пролетарской молодежи, пьесы Афиногенова, Киршона укрепляют такую линию.

Не случайно и название театра теперь добавлено имя величайшего пролетарского писателя — Максима Горького. Не случайно и «жизнь в искусстве» К. С. Станиславского увенчана высшей советской наградой — орденом трудового красного знамени.

Но это же и обязывает. Обязывает театр идти неустанно по пути дальнейшего совершенствования и овладения методом социалистического реализма. Если делается это порою и нелегко, порою и не без ошибок, тем настоящим должно быть самокритика, осознание и анализ отдельных ошибок. Прекрасное поколение молодежи не только надежная опора, но и помощь в этом крепко сложившемся мастерстве юбиляра.